

О новых археологических открытиях на священном участке (теменосе) Истрии рассказывается в статье А. Аврама и Ю. Биржеску «Новые раскопки священного участка Истрии». Авторы подробно описывают динамику эволюции теменоса. Первым святилищем была естественная яма в скале. В дальнейшем на теменосе Истрии были возведены три храма, посвященные Афродите, Аполлону, и Зевсу. Археологические материалы позволяют выделить четыре периода разрушений города и сакральной зоны. Первое, происшедшее в конце архаической эпохи, связывается с походом Дария или с кампанией Мардония во Фракии. Второе – с экспедицией Лисимаха в 313 г. до н.э. Третье (около 100 г. до н.э.), по всей видимости, было вызвано землетрясением. Четвертое и окончательное разрушение датируется серединой I в. до н.э.; оно объясняется нашествием гетов Бурбисты. Заканчивается история существования теменоса десакрализацией места в римскую эпоху. К сожалению, причины этого события до сих пор неясны.

В заключительной статье сборника «Сельская жизнь античного Крыма: Панское и его окрестности», принадлежащей перу В.Ф. Столбы, рисуется картина жизни сельскохозяйственной округи городов Северного Причерноморья на примере поселения Панское I. В начале статьи дана характеристика природных ресурсов, почв, водоемов мыса Тарханкут, на котором расположены Панское I и соседние с ним памятники. Автор отдельно останавливается на истории этого поселения, его связи с Ольвией, с Херсонесом. В статье довольно подробно описана экономическая жизнь поселения, подчеркивается роль земледелия, скотоводства, а также влияние климатического фактора на сельское хозяйство. В частности, по мнению автора, климатические изменения вызвали переход к высеванию более устойчивых сельскохозяйственных культур (рожь).

В.Ф. Столба проанализировал керамический комплекс с поселения Панское I и выделил три группы лепной керамики: первая связана со скифским населением, вторая – с поздним этапом Кизил-Кобинской культуры, третья представлена подражаниями греческой гончарной керамике. Исходя из анализа керамического материала автор делает вывод о гетерогенном составе населения и о присутствии в его составе варварского компонента. В статье представлена характеристика торговых связей поселения с соседними полисами, данных о культовой жизни населения Панского I, что иллюстрируется комплексами, открытыми в последние годы работ на памятнике. Значительная роль в истории поселения, о чем говорилось выше, отводится климатическим изменениям. Так, именно они наряду с усилившейся угрозой со стороны кочевников, по мнению В.Ф. Столбы, привели к постепенному затуханию жизни на поселении в III в. до н.э.

Подводя итог обзору статей сборника «Etudes Pontiques», можно сказать, что в нем нашло достаточно полное отражение нынешнее состояние античной археологии Северного Причерноморья. Нет сомнения, что представленные публикации будут особенно интересны западным читателям, но и отечественные исследователи найдут в них немало полезного для себя. Остается надеяться на продолжение этой серии и появление новых международных сборников, посвященных Северному Причерноморью античной эпохи.

Angela V. Batasova,
Institute of the History of Material
Culture (St. Petersburg),
Russian Academy of Sciences
batasova.angela@gmail.com

A.B. Батасова,
соискатель Института истории
материальной культуры РАН

© 2015 г.

Вестник древней истории
2015, № 2, с. 221–229

P.J. KOSMIN. The Land of the Elephant Kings: Space, Territory and Ideology in the Seleucid Empire. Camb. (Mass.)–L.: Harvard University Press, 2014. 423 p.

История державы Селевкидов – крупнейшей монархии эллинистического Ближнего Востока – уже более трех десятилетий находится в центре острых научных дискуссий. За это время специалисты, представляющие ведущие мировые антиковедческие и востоковедческие школы, посвятили десятки трудов самым разнообразным аспектам истории государства Селевкидов: от общих проблем политической истории до специальных вопросов, связанных с социально-политическим устройством, экономикой и идеологией. Тем не менее именно последние несколько лет, на протяжении которых мы наблюдаем постоянно растущий интерес к селевкидской тематике, стали для историографии чрезвычай-

чайно насыщенными и плодотворными: десяток монографий и сборников, десятки статей – все это результат активного международного сотрудничества исследователей государства Селевкидов¹.

Однако, помимо публикации большого числа разноплановых по предмету исследования работ, последние годы особо отмечены поиском новых методов и подходов. Со второй половины 1980-х годов в изучении государства Селевкидов наступает значительный перелом, вызванный с одной стороны, публикацией новых источников (прежде всего клинописных документов), с другой, общим методологическим поворотом в историографии эпохи эллинизма, для которого характерен, в частности, отход от описания событий политической истории отдельных государств и обращение к вопросам заимствования эллинистическими державами институционального опыта их предшественников. В свете этих идей была выработана так называемая *continuity paradigm*. В основу «парадигмы континуитета» была положена концепция восприятия Селевкидами ближневосточных политических, экономических и культурных традиций. Заметим, что данный подход, положивший начало целому направлению в историографии, названному «постколониальным», возник как противовес предшествующему «колониальному» направлению, для которого, напротив, было характерно преувеличение (вплоть до абсолютизации) роли западного (греко-македонского) фактора в процессе генезиса эллинистической государственности, а также идеализация и даже, в некотором смысле, романтизация греко-варварского синкретизма на эллинистическом Востоке.

Но, несмотря на большую популярность идей «постколониальной» школы среди исследователей, в последнее время все чаще звучит критика в адрес *continuity paradigm*. Так, в недавней статье, посвященной интерпретации «цилиндра Антиоха», который, к слову, считается одним из наиболее наглядных примеров влияния ближневосточных традиций на идеологию Селевкидов, Р. Струотман предложил провести ревизию некоторых идей «постколониальной» школы². По мнению исследователя, «парадигма континуитета» имеет ряд существенных недостатков, среди которых царящее в историографии априорное восприятие греческой и негреческой культурных систем как противоборствующих. Р. Струотман в целом ставит под сомнение научную ценность простого поиска преемственности или разрыва между восточноэллинистическими государствами и их ближневосточными предшественниками. Однако, несмотря на актуальность и резонантность возражений Р. Струотмана, на сегодняшний день еще не осуществлено концептуального разностороннего переосмысления *continuity paradigm*, и поиски новых подходов продолжают. Одной из работ, выполненных, как кажется, именно в духе «поиска нового стиля» – заметной тенденции в современной историографии государства Селевкидов, – является вышедшая в 2014 г. монография американского исследователя Пола Дж. Космина, посвященная чрезвычайно интересной и широко популярной в последнее время проблеме организации политического пространства на эллинистическом Ближнем Востоке.

Новизна и научная значимость работы П. Космина заключаются, главным образом, в ее методах, которые, по сути, определяют предмет исследования и делают его оригинальным и актуальным. Поэтому, с нашей точки зрения, в данном случае нет необходимости останавливаться на какой-то одной проблеме или частном сюжете. Более того, именно целостность содержания, комплексность рассуждений автора подчеркивают актуальность и оправданность выбранного подхода, ввиду чего существует объективная необходимость привести общую характеристику исследования, останавливаясь на некоторых частностях.

Итак, рецензируемая монография состоит из введения, четырех глав, заключения и приложения. Во введении (с. 1–27) автор обозначает общие положения своего исследования: цели, задачи и методы. Здесь же он приводит и общую характеристику источников, которые подразделяет на три категории (археологические, эпиграфические и данные литературной традиции), а также дает краткий очерк географии и истории державы Селевкидов. Важно отметить, что П. Космин специально оговаривает методику своего исследования, в основу которой положены идеи уже упоминавшейся «постколониальной» школы, а также комплекс фундаментальных открытий, связанных с проблемами культурной географии, урбанистики и антропологии, известный в общественных и гуманитарных науках как «пространственный поворот» (с. 5)³. В связи с этим внимание автора сфокусировано на таких категориях, как политическое пространство и политический ландшафт, территориальность

¹ Весьма примечательно, что не так давно было создано международное научное сообщество исследователей истории Селевкидов – The Seleucid Study Group, главная цель которого – объединить специалистов разных научных школ.

² Strootman 2013, 76–77.

³ Термин «пространственный поворот» (*spatial turn*) впервые широко был введен американским социологом, специалистом по геополитике и урбанистике Э. Соя, который, основываясь на известных рассуждениях А. Лефевра и М. Фуко о связи истории и пространства, стал одним из авторов

и спатIALIZация. Особо П. Космин рассматривает проблемы взаимосвязи пространства, власти и идеологии в государстве Селевкидов⁴.

В главе I «Граница» (с. 31–76) П. Космин обращается к проблеме формирования восточных рубежей государства Селевкидов. В первой части этой главы рассматриваются вопросы оформления границы государства Селевкидов с Индией, которое произошло еще при Селевке I. Во время кампании Селевка в Индию между ним и родоначальником индийской царской династии Маурьев – царем Чандрагуптой – был заключен договор, обозначивший демаркационную линию между соседними государствами⁵. П. Космин условно называет это соглашение «Индский договор». Условиями этого договора был, в частности, отказ Селевкидов от претензий на территорию Гандхары, Гедросии, части Арахосии и Паропамисад. Взамен Чандрагупта предоставил Селевку 500 боевых слонов. Положения этого соглашения беспрекословно соблюдались и последующими царями обеих династий, что подтверждается, по мнению автора, обстоятельствами индийского похода Антиоха III, предпринятого через сто лет после кампании Селевка. В данном случае восточный поход Антиоха III, завоевательный по своему характеру, в Индии принял скорее дипломатическую форму: царь Антиох признал договор Селевка с Чандрагуптой о территориальном разделе и перезаключил его.

Весьма интересным является наблюдение П. Космина о характере этого договора. Автор полагает, что главной причиной заключения соглашения между Селевком и Чандрагуптой было подтверждение царского статуса обоих правителей. Таким образом, «Индский договор» заключался между двумя равными по своему политическому статусу государствами, что характеризует серьезные изменения, которые претерпевал территориально-политический ландшафт всего Ближнего Востока и Южной Азии в период раннего эллинизма. Так, очевиден отход от модели монополярного мира и доминирования одного государства (Ахемениды или Александр) и появление мультиполярной системы (эллинистических государств и их соседей). В ходе этого процесса меняются и представления об Индии как периферийной зоне ойкумены.

Последнее утверждение П. Космин раскрывает в отдельном разделе первой главы. Для этого автор обращается к «Индике» Мегасфена. По его мнению, главной целью создания этого сочинения было формирование образа Индии как государства идеологически равного Селевкидам. Индия у Мегасфена – это не окраина ойкумены, а особый политический центр, сосредоточенный вокруг Ганга (а не Инда, как считалось прежде) и имеющий, при этом, собственную периферию⁶. Достаточно любопытными являются рассуждения Космина о территориальности индийского государства, связанной с появлением городов, в то время как более ранний период истории Индии характеризуется номадизмом, варварским образом жизни, отсутствием городов и территориальности. Урбанизационные процессы конца IV в. до н.э., проходившие в Восточном Средиземноморье, и их идеологическое восприятие также нашли отражение в том образе Индии, который представлен в работе Мегасфена. Так, у греков строительство городов и синойклизм считались необходимой мерой защиты и обороны границ. Более того, в данном случае, строительство городов и конструирование городского пространства сближает Индию с государством Селевкидов, где активная колониальная политика являлась характерной чертой государственности. Однако, несмотря на весьма убедительные и оригинальные выводы, автор практически не делает серьезных попыток связать сочинение Мегасфена с сочинениями предшественников, так сказать, вписать «Индику» в традицию описания Индии и в целом земель, имеющих отношение к греческой цивилизации на востоке⁷, ограничиваясь лишь отдельными суждениями о методах работы Мегасфена.

Во второй части главы I П. Космин рассматривает особенности формирования границы государства Селевкидов в Средней Азии. Деятельность Селевка I в этих краях свелась лишь к присоединению территории Бактрии и Согдианы. Интеграция же региона в политическое пространство империи и создание здесь внешней границы были начаты сыном Селевка Антиохом I в период его

теории так называемого «третьего пространства» – нового подхода в понимании феномена пространства, исключающего бинарность его восприятия.

⁴ Необходимо заметить, что данная тематика отнюдь не впервые становится предметом исследования. См. Sherwin-White, Kuhrt 1993; Capdetrey 2007; 2010. Однако именно представленная монография является первой работой, принципиально посвященной проблеме пространства и власти в государстве Селевкидов.

⁵ О причинах этого противостояния см. Бонгард-Левин 1973, 59; Capdetrey 2007, 45, 47–48.

⁶ Появление границ государства Маурьев хорошо демонстрируют знаменитые надписи царя Ашоки. Специально о границах империи Маурьев см. Бонгард-Левин 1973, 171–178.

⁷ Специально по этому вопросу см. Бухарин 1997, 138–149; Бонгард-Левин, Бухарин, Вигасин 2002, 112–137.

совместного правления со своим отцом⁸. Для исследования этого процесса автор монографии обращается к деятельности Демодама из Милета – одного из полководцев царей Селевка и Антиоха. Именно Демодам организовал экспедицию в земли кочевников, где установил алтарь Аполлону Дидимскому, чем символически обозначил рубеж между цивилизацией (государство Селевкидов) и варварством (территории кочевников) (Plin. NH. VI. 49). Этот раздел нашел отражение в географическом сочинении Демодама, который создал идеализированный образ Антиоха как царя-строителя и защитника цивилизации. Такой принцип отождествления цивилизации с урбанизацией является, по мнению П. Космина, общим местом и для Мегасфена, и для Демодама, но с одним различием: в Индии жители городов и кочевники отделены друг от друга на временной шкале, поскольку после периода номадизма (варварства) следует период развития городской жизни (цивилизации), а в Средней Азии их разделяет пространство – жители полисов и кочевники живут в одно время на сопредельной территории.

Резонным представляется и замечание П. Космина о ведущей роли географов и этнографов Мегасфена, Демодама, Патрокла в процессе идеологического оформления территориальности власти Селевкидов на Востоке. Граница в Средней Азии не могла быть установлена с помощью договора, поскольку соседями являлись кочевые племена, олицетворявшие варварство, и единственным способом охраны границ было военное присутствие Селевкидов в регионе, а также колонизационная политика⁹.

Глава II «Отечество» (с. 79–119) посвящена установлению западной границы державы Селевкидов и формированию политического центра империи. Прежде всего П. Космин обращается к обстоятельствам экспедиции Селевка I из Азии в Европу после победы над Лисимахом в 281 г. до н.э. В качестве причины этого «возвращения домой» источники называют *λόθος* – «желание, устремление» Селевка. Об этом свидетельствуют два независимых источника: Мемнон из Гераклеи, использовавший сочинение своего соотечественника Нимфида, и вавилонская хроника «О конце правления Селевка» (BCNH 9). Примечательно, что *λόθος* у Селевка и *λόθος* у Александра были географически разнонаправленными: Александр стремился на Восток, вдаль от родины, Селевк же, напротив, на родину. Однако попытка Селевка, как известно, не увенчалась успехом: царь был убит Птолемеем Керанном – одним из своих приближенных. Таким образом, попытка создания обширной империи, включавшей Македонию, не увенчалась успехом.

С гибелью Селевка вопрос о западной границе державы Селевкидов получил новое развитие. Окончательное установление западных рубежей было осуществлено сыном Селевка I Антиохом I. В данном случае определяющее значение П. Космин отводит опять же договору, на этот раз между Антиохом I и Антигоном Гонатом (начало 270-х годов до н.э.). Отказ Селевкидов от Македонии закреплял за ними право на европейскую часть Фракии. Граница здесь устанавливалась на тех же принципах, что и в Средней Азии – путем обустройства городов, построенных для защиты рубежей от кочевников – фракийцев. Активность Антиоха III в этом регионе в начале II в. до н.э., его претензии на европейскую часть Фракии и восстановление Лисимахии автор считает прямым доказательством того, что этот договор соблюдался последующими поколениями Селевкидов.

Рассуждения автора об установлении границ государства Селевкидов весьма оригинальны и ценны для понимания феномена селевкидской государственности. Действительно, тезис о том, что окончательное оформление территории государства Селевкидов произошло при Антиохе I, стоит признать справедливым¹⁰. Тем не менее несколько удивляет тот факт, что П. Космин никак не характеризует появление и оформление южной границы державы Селевкидов, где их соседом был Египет Птолемея. В «поисках» границ автор даже делает попытку обнаружить пределы селевкидской державы в Закавказье, однако о границе в Сирии, которой, как кажется, необходимо было бы посвятить самостоятельный раздел, говорится лишь изредка в контексте других проблем. Между тем создание четкой демаркационной линии между двумя названными государствами сопровождалось мощным идеологическим противостоянием двух династий, нашедшим отражение в царской идеологии и пропаганде. Кроме того, автором практически игнорирован еще один важный аспект территориального

⁸ Именно Антиох I, став около 295 г. соправителем своего отца и царем восточной части государства, провел здесь масштабные преобразования, среди которых можно отметить начало регулярной монетной чеканки и активную градостроительную политику.

⁹ Ср. общую идею: Cardetrey 2007, 83.

¹⁰ Sherwin-White, Kuhrt 1993, 28. Здесь же см. о соправительстве Селевка и Антиоха, во время которого страна была поделена между ними (хотя и формально) на две части, а оба они носили царский титул. Этот аспект оформления территории государства Селевкидов не рассматривается П. Космином. Отметим, что территориальность власти Селевкидов долгое время ставилась под сомнение. См., например, Бикерман 1985, 17.

оформления эллинистических государств – «право копья» (δορκίτης χώρα). По сути, «право копья» выступало, с одной стороны, в качестве некой международной юридической нормы, с другой же, идеологическим базисом для присоединения новой территории. «Право копья» или «земли, завоеванной копьем» подчеркивало военный характер эллинистической монархии и включало оба понятия «территория» и «власть»¹¹.

Упускает П. Космин и еще один не менее важный нюанс. Во II в. до н.э. границы государства Селевкидов претерпели серьезные изменения, что было связано с внушительными территориальными потерями. Это обстоятельство обязательно должно было повлечь за собой трансформацию представлений о границах государства¹², тем более, что в это время на востоке у Селевкидов появляются новые соседи (Парфия и Греко-Бактрия), с которыми также должны были быть установлены определенные взаимоотношения. Иными словами, во II в. до н.э. в связи с обозначенным процессом должна была появиться обновленная идеология, характеризующая актуальное территориальное состояние державы. И такая идеология существовала. Ее отголоски мы встречаем при описании Полибием праздников в Дафне, точнее говоря, одного из элементов этих торжеств – военного парада, организованного Антиохом IV (Polyb. XXX. 25–26). Как весьма убедительно показал в своей недавней работе П. Иосиф, национальные подразделения, представленные в данном шествии, идеально символизировали идеальные границы государства Селевкидов¹³. Однако здесь мы не находим ни бактрийцев, ни парфян, но лишь фракийцев, мисийцев, киликийцев, галатов и нисийцев (мидян) – те народы, которые символически очерчивают границы государства Селевкидов в сер. II в. до н.э.

Большой интерес представляет вторая часть главы II, посвященная проблемам формирования политического центра государства Селевкидов. Гибель Селевка и последующий отказ от Македонии создали необходимость образования политического центра империи. Для этого при царском дворе была выработана специальная идеология, которую П. Космин называет «диаспорной». В основе ее были положены два принципа: создание образа Македонии как родины Селевка I и утверждение Северной Сирии как региона, связанного с самоидентификацией династии.

Заслуживает особого внимания, выполненный автором на высоком уровне, анализ комплекса легенд о Селевке I, известного в историографии как «Роман о Селевке». Цикл многочисленных пророчеств о будущей власти, полученных Селевком еще при Александре, различных предзнаменований его могущества сохранился в повествовании нескольких авторов, главным образом в «Сирике» Аппиана. Очевидно, что эти легенды являются продуктом более поздней царской пропаганды, проводившейся уже после смерти Селевка и призванной подчеркнуть легитимность его власти на определенной территории. Центральным сюжетом данного цикла является мотив возвращения Селевка на родину, сохранившийся в том или ином виде в нескольких легендах. Согласно им, Селевку было запрещено возвращаться в Македонию под угрозой смерти, но тот все же стремился на родину. В одном из вариантов этой легенды Селевку предписывалось избегать Аргоса, где по пророчеству он и должен был принять смерть. Однако вместо города Селевк погибает недалеко от алтаря, который местными жителями назывался Аргос (App. Syr. 63). Этот алтарь интерпретируется П. Косминым как символическая граница государства Селевка, по примеру алтаря, установленного на берегу Яксарта Демодамом. Кроме того, название «Аргос», в данном случае, имеет непосредственное отношение к македонской династии Аргеадов, из которой происходил Александр Македонский. Также П. Космин выдвигает еще одну, достаточно оригинальную трактовку этой легенды. Переправа через пролив Геллеспонт и последующая гибель интерпретируется автором как распространенный культурологический сюжет, который можно в конечном итоге понимать как «путешествие в загробный мир» – переправу через Стикс.

«Роман о Селевке», безусловно, имел особое значение для территориализации власти Селевкидов. Однако большинство пророчеств предсказывало Селевку власть не над Сирией, а над Вавилонией. Тем не менее именно Сирия становится новым центром власти Селевкидов. По мнению автора, весьма показательна в этом свете практика погребения царей династии начиная с Селевка именно в Северной Сирии. При этом даже если царь погибал вдалеке от Сирии, его тело перевозили в фамильную усыпальницу. Это возвращение тела царя в центр его государства имело огромное

¹¹ См. Mehl 1980/1981, 173–212. Не менее важным аспектом формирования территорий эллинистических монархий были и встречи диадохов в Вавилоне и Трипарадесе, на которых осуществлялось распределение сатрапий.

¹² Значимость этих изменений для отождествления царской власти и территории у Селевкидов особо подчеркивает Л. Кадетре (2010, 19, 22), чья работа, целиком посвященная рассматриваемым проблемам, не была учтена автором.

¹³ Iossif 2011, 134–143.

символическое значение. П. Космин сравнивает эту практику с аналогичной транспортировкой тел Кира Великого и Александра Македонского¹⁴.

Устройство «новой родины», с которой должно было быть связано и рождение новой династии, сопровождалось активной колонизацией Сирии. П. Космин вполне справедливо замечает, что, основывая большое количество колоний в этом регионе, Селевк не стремился создать здесь «новую Македонию». Скорее наоборот, он всячески пытался связать этот регион именно с династией¹⁵. Топонимика новых поселений либо дублировала название тех городов, откуда происходили жители колоний, либо несла исключительно идеологические функции. Так, Пелла на реке Оронт, называемой местными македонянами Аксием, получила название Апамея, в честь жены Селевка. Более распространенной формой именованья были смешанные типы, характеризующие как македонские реалии, так и династическую идеологию: Селевкия в Пиерии, Антиохия у Дафны, Апамея на Аксии.

Весьма резонансным представляется и утверждение автора, что вместе с возникновением государственного и династического пространства появляется и династическое время – Селевкидская эра. И в данном случае формирование времени/пространства представляет собой единый процесс: Селевкидская эра начинается в 312/311 г. до н.э., с момента установления власти Селевка в Вавилоне – одном из центров его державы. Однако важно учитывать, что такой статус «династического времени» она приобрела, вероятно, только при Антиохе I, который продолжил датировку своего правления по летоисчислению отца.

В главе III «Передвижение» (с. 129–180) П. Космин обращается к проблеме формирования внутреннего политического пространства государства Селевкидов. Связь территории и власти, а также зависимость этих категорий рассматриваются автором на примере практики перемещения царей по своей державе и пересечения ими или членами царской семьи границ государства.

Во II в. до н.э. многие наследники из династии Селевкидов воспитывались за пределами государства. В политически удобное время они возвращались на родину для того, чтобы возглавить государство. Здесь показательными являются примеры Антиоха IV и Деметрия I, которые, возвратившись в Сирию из Рима, получали царский титул непосредственно на границе государства. Эта практика подчеркивала ту легитимизирующую силу и политическую сакральность, которой наделялась территория¹⁶. Иными словами, связь территории и власти в данном случае была неразрывной, и только при пересечении границы наследник становился царем.

В данном контексте стоит отметить еще одну особенность – Селевкиды в принципе крайне редко покидали территорию своей державы. П. Космин приводит несколько примеров. В мирное время это делали Селевк I (свадьба в Рососе) и Антиох III (индийская кампания, которую, как уже было отмечено, можно считать не военным походом, но, скорее, дипломатической акцией), в период же войны – Антиох III (греческая кампания) и Антиох IV (египетские походы). Но оказывало ли влияние на царскую власть оставление территории своего государства, автор не поясняет. Очевидно, что царь, покинувший территорию своей державы, не мог утратить царский титул лишь просто по факту временного отсутствия. И все же, если следовать общей идее автора о взаимозависимости власти и территории, то любой выезд царя за пределы своего государства мог восприниматься как делегитимизирующий фактор.

Общим местом в историографии стало мнение, что в отличие от Ахеменидов для Селевкидов не был характерен сезонный нomaдизм. Однако, как это убедительно показал П. Космин, это не совсем так. Все цари династии Селевкидов постоянно передвигались по территории своей державы. Причин для этого могло быть множество, и все они имели различную природу. Тем не менее в подобном нomaдизме была заложена сильнейшая идеологическая интеграционная функция, способствовавшая процессу укрепления государства под властью одного правителя.

Все передвижения монарха были в прямом смысле ритуализированы. Отправление и прибытие царя сопровождалось массовыми парадами, пышными церемониями и торжествами. С одной стороны, приезд царя мог иметь для жителей города обременительные финансовые последствия, с другой,

¹⁴ Однако стоит отметить, что в истории династии Селевкидов был прецедент захоронения царя вне Сирии. Речь идет об Антиохе II, который, как известно, был отравлен в 246 г. до н.э. своей женой Лаодикой, а тело его было погребено, как считается, в так называемом мавзолее Белеви в Малой Азии. П. Космин полагает, что даже если мавзолеем Белеви действительно является усыпальницей Антиоха II (в чем автор в целом сомневается), по причине этого являются обстоятельством Третьей Сирийской войны, в ходе которой тело царя, по объективным причинам, так и не было перевезено в Сирию. Однако как факт такого захоронения мог повлиять на восприятие царской власти умершего царя и легитимизацию власти его наследников, П. Космин оставляет без объяснений.

¹⁵ Несколько иной взгляд на «мифы об основании династии» см. Ogden 2011, 149–160.

¹⁶ См. также Capdetrey 2010, 22–26.

мог стать поводом для эвергетизма со стороны самого монарха. Путешествие царя всегда проходило в роскоши. На время передвижения политическим центром государства становился царский шатер, который одновременно был и местом для приема посольств, обсуждения важнейших государственных проблем, и обителью царя, где он спал, принимал пищу и устраивал пиры. Образ пирующего странствующего царя, по мнению П. Космина, воплощен в статуе «пирующего Геракла», высеченной в скале в Бехистуне.

Именно сухопутное передвижение являлось важным легитимирующим фактором селевкидской монархии. При этом важно было именно личное присутствие царя, имевшее особое идеологическое значение. П. Космин называет персональное присутствие царя самолегитимизацией. Стоит отметить, что морские путешествия были не столь характерны для Селевкидов. Именно территория, по мнению автора, формировала власть. С этим утверждением трудно не согласиться. Мы не знаем селевкидских «царей в изгнании», претендовавших на власть в Сирии лишь только по праву родства с правящей династией. В то же время обращает на себя внимание практика показательного провоза плененного селевкидского царя по территории его государства. Такой случай известен с Деметрием II, попавшим в плен к парфянам. Демонстрация плененного царя жителям его империи должна была иметь делегитимирующие последствия.

В главе IV «Колония» (с. 183–251) рассматриваются некоторые вопросы селевкидской колонизации. П. Космин выделяет два типа или метода колонизации у Селевкидов: плотная застройка отдельного региона и линейная застройка (по берегам рек). По его мнению, колонизационная политика Селевка I представляла собой разрыв с предыдущими традициями и фактически перекраивала все внутреннее пространство империи. Действительно, стоит согласиться с автором в том, что именно колонизационная политика Селевкидов была уникальной чертой их монархии, не характерной ни для предшественников, ни для contemporaries. Так, Селевк I строил колонии в тех регионах, где этого не делали Ахемениды: в среднем и нижнем течении Тигра и в Сирии. Смещение центров колонизации вело к трансформации политического ландшафта, что серьезно влияло и на экономическое районирование. Кроме основания колоний, для улучшения условий сельского хозяйства строились ирригационные каналы. Социально-экономические результаты колониальной политики первых Селевкидов были отмечены положительной динамикой в демографии и экономике регионов. Однако стоит отметить, что кроме Сирии и Месопотамии, выделенных автором в качестве основных зон селевкидской колонизации, сюда же можно отнести Бактрию/Согдиану, где колонизационная деятельность была не менее активной¹⁷.

Городское пространство в самих колониях было организовано централизованно, о чем свидетельствует во многих случаях одинаковая планировка колоний. Архитектура колонии имела особое эстетическое и идеологическое значение. Нет оснований опровергать суждение П. Космина о том, что ровные пропорции городских кварталов, прямые улицы, правильные формы площади и другие элементы городского пространства, созданные, безусловно, искусственно, были выражением могущества царской власти.

Особое внимание П. Космин уделяет идеологическому значению царского дворца, который занимал особое место в городской топографии. Проведя подробный анализ археологического материала, автор приходит к выводу, что царские дворцы в селевкидских колониях были двух типов: «цитадели», – расположенные на территории военных поселений обособленные крепости (в Дуре-Эвропос, Джебель-Халид) и «закрытые города» (в Ай-Хануме) – целые городские кварталы, изолированные от остального городского пространства. В обоих случаях подчеркивается принцип обособленности царя, однако изолированность монарха не считалась нормой, равно как и слишком частое появление царя среди простых горожан. Это утверждение автор уместно иллюстрирует двумя примерами. Во-первых, Деметрий I, живший в полной изоляции, настроил тем самым против себя антиохийцев (Ios. Ant. Iud. XIII. 35–36). Во-вторых, приводится обратный пример Антиоха IV, которого антиохийцы прозвали «Эпиман» (Polyb. XXVI. 1), вероятно, потому, что царь очень часто гулял по улицам столицы, посещал общественные заведения и вел беседы с простыми жителями полиса. Действительно, как считает автор, определенная парадигма взаимоотношений царя и полиса, безусловно, существовала. Во II в. до н.э. эти отношения трансформировались, что было вызвано кризисом династии. Внутренний политический кризис повлек за собой и изменение идеологии пространства. Жители полиса стали нарушать принципы городской иерархии, вторгались в запретные территории царского дворца, могли закрывать ворота перед царем, препятствуя въезду, и т.д.

Исключительно важным для понимания взаимоотношений власти и полисов в государстве Селевкидов являются рассматриваемые П. Косминым полисные идеологемы, не связанные с династией Селевкидов. Так, в некоторых городах появляются легенды о доселевкидском основании поселения.

¹⁷ Кошеленко 1979.

Также некоторые полисы, имевшие право муниципальной чеканки, зачастую изображали на монетах локальные божества, никак не связанные с династией. При этом художественное исполнение монеты соответствовало доселевкидским иконографическим традициям. Очевидно, что действия подобного характера имели открытый антиселевкидский характер.

В Заключении (с. 253–258) автор подводит общий итог работы, обращаясь к проблеме территориального распада государства Селевкидов. Как полагает П. Космин, черты распада державы появлялись вместе с самой империей. Сегментация территории государства на отдельные сатрапии или «суперсатрапии», связанные с царским дворцом, монетными дворами и войском и находившиеся под управлением царских родственников или высокопоставленных придворных, придавала территориальным объединениям лишь видимость централизации, что облегчало их выход из-под власти Селевкидов. Однако в широком смысле селевкидское пространство пережило само государство. Во-первых, позднейшие греко-римские географические и этнографические концепции и подходы описания Востока основывались на традиции, сформированной при Селевкидах. Во-вторых, продолжили свое существование многочисленные политические, административные и идеологические институты и практики. В-третьих, государство Селевкидов изменило политическую географию Ближнего Востока и задало определенные границы региона, сохранявшиеся вплоть до арабского завоевания. Непосредственным результатом этого является формирование в более поздней период четкой границы по Евфрату между римско-византийской и парфяно-сасанидской сферами влияния, между Западом и Востоком, что соответствовало разделению двух селевкидских регионов: Сирии и «верхних» сатрапий. В Приложении П. Космин затрагивает вопрос датировки «Индики» Мегасфена.

Итак, перед нами актуальное, концептуальное и увлекательно написанное исследование, которое показывает допустимость и результативность практики применения методов современных социогуманитарных исследований в антиковедении. Однако нельзя не сказать о некоторых минусах данной работы. Стоит обратить внимание на то, что автор плохо знаком с работами советских и российских археологов и историков специалистов по Средней Азии. Их труды, и, прежде всего, хорошо известная за рубежом работа Г.А. Кошеленко «Греческий полис на эллинистическом Востоке», могли бы существенно дополнить исследование П. Космина.

Как кажется, не было бы лишним в рамках данного исследования обратиться к проблеме создания границы с Египтом. Учитывая общую логику автора, согласно которой с равными по статусу государствами (Индией и Македонией) Селевкиды устанавливали границы посредством договоров, следовало бы ожидать похожего соглашения и с Птолемеями. Упущен П. Космином и такой важный аспект территориальности власти Селевкидов, как существование царского домена. Именно царский домен, который был личной собственностью царя, подчеркивал его экономическую независимость. При этом практика существования царского домена, как и сами владения, были унаследованы Селевкидами у Ахеменидов.

Подводя общий итог, отметим, что работа П. Космина является во многом новым и весьма успешным опытом изучения государства Селевкидов. Она написана красивым литературным языком, а повествование насыщено множеством изящно подобранных примеров. Благодаря этому книга, несмотря на всю научность и концептуальность содержания, читается чрезвычайно легко. Методы, выбранные автором исследования, полностью оправдывают себя, поскольку результат, полученный при их использовании, создает принципиально новое пространство для последующих научных дискуссий. Стоит признать, что предпринятая попытка нового осмысления некоторых реалий истории Селевкидов оказалась весьма успешной и, возможно, станет началом для фундаментального поворота в изучении феномена эллинистической истории в целом.

Литература

1. Бикерман Э. 1985: Государство Селевкидов. М.
2. Бонгард-Левин Г.М. 1973: Индия эпохи Маурьев. М.
3. Бонгард-Левин Г.М., Бухарин М.Д., Вигасин А.А. 2002: Индия и античный мир. М.
4. Бухарин М.Д. 1997: Описание индийского государства в «Индики» Мегасфена // ВДИ. 3, 138–149.
5. Кошеленко Г.А. 1979: Греческий полис на эллинистическом Востоке. М.
6. Capdetrey L. 2007: Le pouvoir séleucide. Territoire, administration, finances d'un royaume hellénistique (312–126 avant J.–C.). Rennes.
7. Capdetrey L. 2010: Espace, territoires et souveraineté dans le monde hellénistique: l'exemple du royaume Séleucide // Des rois au prince. Pratiques du pouvoir monarchique dans l'Orient hellénistique et romain (IV siècle avant J.–C. – II siècle après J.–C.) / I. Savalli-Lestrade, I. Cogitore (eds.). Grenoble, 17–36.

8. *Iossif P.* 2011: *Imago mundi*: expression et représentation de l'idéologie royale séleucide. La procession de Daphné // *Electrum*. 18, 125–157.
9. *Mehl A.* 1980/1981: ΔΟΙΚΗΤΗΣ ΧΩΡΑ // *Ancient Society*. 11/12, 173–212.
10. *Ogden D.* 2011: Seleucid Dynastic Foundation Myths: Antioch and Seleucia-in-Pieria // *Seleucid Dissolution. The Sinking of the Anchor* / K. Erickson, G. Ramsey (eds.). Wiesbaden, 149–160.
11. *Sherwin-White S., Kuhrt A.* 1993: *From Samarkhand to Sardis*. Berkeley–Los Angeles.
12. *Strootman R.* 2013: *Babylonian, Macedonian, King of the World: The Antiochus Cylinder from Borsippa and Seleukid Imperial Integration // Shifting Social Imaginaries in the Hellenistic Period* / E. Stavrianopoulou (ed.). Leiden–Boston, 67–97.

Svyatoslav V. Smirnov,
 Institute of World History,
 Russian Academy of Sciences,
 Moscow, Russia
 smirnovsv3@yandex.ru

С.В. Смирнов,
 кандидат исторических наук,
 Институт всеобщей истории РАН

© 2015 г.

Вестник древней истории
 2015, № 2, с. 229–232

K. NARLOCH. Rzymskie hełmy z zasłonami. Oświęcim: Wydawnictwo Napoleon V, 2012. 115 s., 25

Изучение римского «парадного» и «турнирного» вооружения в последнее время выходит на новый качественный уровень, так как появляются не только публикации вводимых в научный оборот новых находок, но также проводятся детальные исследования уже давно опубликованных предметов, проводимые при помощи новых исследовательских технологий. Это, в свою очередь, позволяет расширить круг исследовательских задач и их качественное решение. Несмотря на такой всплеск исследовательского интереса и выявление многих немаловажных аспектов, которые должны приблизить нас к пониманию функционального назначения богато украшенных римских доспехов, включая и загадочные шлемы с масками, спор об области применения которых продолжается и по сей день, на данном этапе пока не представляется возможным окончательное решение данного вопроса. В связи с этим, каждое новое узкоспециальное исследование римского «парадного» вооружения представляется крайне интересным и важным. Поэтому появление книги о римских шлемах с масками следует лишь приветствовать, тем более что этот элемент «парадной» римской панοπлии еще не являлся целью монографического исследования, появляясь в других изданиях лишь как часть комплекса богато декорированных доспехов, предназначенных для парадов, либо для экипировки кавалеристов, принимавших участие в *ἱλτκὰ ὑφνύσια* описанных Аррианом (Таст. 32. 3–44. 3).

Книга написана докторантом отдела античной археологии Института археологии в университете Николая Коперника в Торуне. Она состоит из введения, пяти глав, заключения, каталога находок, списка источников и литературы, приложения в виде иллюстративных таблиц.

Исходя из содержания глав, в книге условно можно выделить три основных блока информации: 1) технические и типологические сведения о римских шлемах с масками; 2) технологические аспекты производства шлемов и масок; 3) вопросы, связанные с генезисом римских шлемов с масками, а также с областью их применения как части парадного и турнирного снаряжения и возможным их боевым применением.

В первой главе рассматриваются конструктивные особенности римских шлемов с масками, причем автор следует предложенной Й. Гарбшем концепции их деления на двухчастные и трехчастные¹.

Во второй главе, касающейся типологии римских шлемов-масок, автор следует наработкам М. Колерт², выделяя на этом этапе уже и особенности художественного оформления масок.

¹ Garbsch 1978, 5–6.

² Garbsch 1978, 19–27. При образовании типологических групп М. Колерт выделила технические свойства масок (расположение шарнира, материал) и их морфологические особенности (прическа, форма лица). В результате было выделено шесть типов, пронумерованных римскими цифрами.